

Сахневич Сергей Владимирович

УИЛЬЯМ ТИНДЕЙЛ: НА КОСТЕР РАДИ ПОТРЕБИТЕЛЯ ПЕРЕВОДА

В XVI веке Уильяма Тиндейла сожгли на костре за то, что он осуществлял клиентоориентированный перевод - делал текст Библии более понятным для простолюдина. Современным переводчикам костер не угрожает, но они переводят, используя настолько сложные конструкции, что простой потребитель перевода не понимает того, что переводят переводчики. Пришло время использовать опыт Уильяма Тиндейла, доказавшего, что если нужды простого потребителя перевода будут частью самого перевода, его качество возрастет.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 151-154. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: учение и опыт церкви в народном христианстве. СПб., 2000. 400 с.
2. Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Серия «Филология. Журналистика». 2009. Т. 9. Вып. 1. С. 3-7.
3. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Томского университета, 2000. 190 с.
4. Поморская энциклопедия: в 5-ти т. / гл. ред. В. Н. Булатов; сост. А. А. Куратов. Архангельск: Поморский государственный университет, 2001. Т. 1. История Архангельского Севера. 483 с.
5. Савелова Л. А. Тематические доминанты севернорусской диалектной речи в художественном представлении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. 1. С. 154-157.

WAY OF LIFE OF THE NORTH RUSSIAN VILLAGE IN A VERBAL REPRESENTATION

Savelova Lyubov' Anatol'evna, Doctor in Philology, Associate Professor
Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
savelova.lub@yandex.ru

In the article the specificity of objectification of the ideas about the way of life of the north Russian village at a thematic level of communication of dialect-bearers is considered. The speech of the people of the big village Nyonoksa of the Arkhangelsk region is a source of the linguistic material. The statements which represent the level of factual information are a unit of the analysis. The author identifies the range of thematic dominants of dialect speech and shows that their verbal realization has a collective nature of intentional component of traditional rural communication.

Key words and phrases: the Russian language; dialect discourse; north village; dialect-bearer; factual information; thematic dominant.

УДК 81'255.4

Филологические науки

В XVI веке Уильяма Тиндейла сожгли на костре за то, что он осуществлял клиентоориентированный перевод – делал текст Библии более понятным для простолюдина. Современным переводчикам костер не угрожает, но они переводят, используя настолько сложные конструкции, что простой потребитель перевода не понимает того, что переводят переводчики. Пришло время использовать опыт Уильяма Тиндейла, доказавшего, что если нужды простого потребителя перевода будут частью самого перевода, его качество возрастет.

Ключевые слова и фразы: Библия; возвышенный стиль; клиентоориентированный перевод; педантичный стиль; понятный перевод; потребитель перевода; Уильям Тиндейл.

Сахневич Сергей Владимирович, к. филол. н.

НИИ Языкознания РАН
crash68@yandex.ru

УИЛЬЯМ ТИНДЕЙЛ: НА КОСТЕР РАДИ ПОТРЕБИТЕЛЯ ПЕРЕВОДА[©]

Уильям Тиндейл был одним из первых, кто успешно предпринял попытки клиентоориентированного перевода. Ценой этих попыток стала жизнь в изгнании [3, р. 6], в условиях постоянного преследования со стороны католического духовенства, официальный запрет его переводов, арест в Антверпене и последующее сожжение как еретика в Вилфорде [6, р. 68].

Являясь гуманистом и богословом, получившим образование в Оксфорде и Кембридже, воспитанным в духе Реформации и находившемся под впечатлением очевидных результатов влияния перевода Мартина Лютера на весь немецкий народ, Уильям Тиндейл осознал, что при помощи непонятного для простого народа перевода Библии католические священники скрывают от этого народа Слово Божье, заставляя его не замечать «...ни мерзости, ни идолопоклонства лицемерного самоправедного католического духовенства, которое пыталось скрыть и извратить смысл Писания...» [2, с. 46-50].

Утверждая, что любые изменения библейского текста при переводе априори являются неприемлемыми, и Библия должна оставаться на латинском языке, что вольный перевод Библии, да еще и на родном языке, делает простолюдинов еретиками и заставит их подняться против короля, католическое духовенство, в реальности, просто не было заинтересовано в том, чтобы простые люди знали слово божье, поскольку тогда было бы весьма проблематично держать простолюдинов в неведении и вносить в их головы «...сумятицу при помощи кафедральных языческих ритуалов и своих личных интерпретаций библейского текста...» [Там же].

Снабжаемый необходимыми деньгами своими сторонниками, и теми, кто ему просто симпатизировал [Там же], и с религиозной решимостью придерживающийся принципов перевода для потребителя, Уильям Тиндейл совершил революцию в сфере перевода Библии, а именно – совместный перевод Библии, осуществленный Тиндейлом и Ковердейлом в 1537 году, который продолжает доминировать с научной и стилистической точек зрения вплоть до сегодняшнего дня, доказательством чего является влияние этого перевода на Женевскую Библию, Библию Дауэй-Рэймс и Библию Короля Джеймса [6, р. 68].

Современным переводчикам не угрожает то, что угрожало Уильяму Тиндейлу, но, тем не менее, они продолжают переводить настолько сложно, что потребитель перевода не понимает то, что они переводят.

Мы не случайно проводим аналогию между теми временами и нынешними. И во времена Уильяма Тиндейла простые люди не владели высоколитературным языком, и сейчас, в России, неграмотные представители местного населения и иммигранты не владеют высоколитературным русским языком. Они доверяются переводчику, **ошибочно полагая**, что переводчик знает о своем потребителе перевода и ориентирует перевод именно на него, заказчика. Но потребитель, как правило, не подозревает, что переводчик переводит так, как нравится ему, переводчику, а не так, как нужно ему, потребителю перевода. Потребитель приносит переводчику для перевода текст, например, делового предложения. Заплатив по требуемому расценкам, потребитель получает за свои же деньги текст на **родном языке**, но на **неизвестном ему литературном варианте родного языка**, где, как он думает, красочно, лаконично и убедительно описаны несомненные выгоды этого предложения, например, налоговые льготы, свежий воздух, творческая атмосфера, дешевая рабочая сила и замечательные изобретения. Но, получив перевод, потребитель не понимает, что в этом переводе написано, потому что он не владеет литературным вариантом родного языка. Следовательно, он не знает, сумел ли переводчик адекватно отобразить суть предложения, например, серьезность финансовых гарантий предоставляемых местным фондом промышленного развития или преимущества предлагаемого метода вычисления односторонних функций без промежуточного кэширования. Может быть, перевод – полная абракадабра, а может быть, переводчик тонко чувствует разницу между налогом на прибыль и налогом с оборота и сумел воссоздать на всю глубину и серьезность предложений или даже смог улучшить исходный текст. Потребителю не суждено понять этого, потому что столь сложные вышеупомянутые вопросы не были донесены на простом языке. К сожалению, переводчик никогда не задается вопросами, понимает его потребитель или нет, потому что переводчику все равно, кто он, этот потребитель. Для него все переводы и все заказчики равны, поскольку он понимает процесс перевода как процесс замены одних слов на другие и, как правило, на те, которые понятны ему, переводчику. Тогда как в действительности самая главная и трудная задача переводчика заключается не только в том, чтобы максимально точно понять смысл текста и намерения его автора, но и в том, чтобы понять, кем является его потребитель [1, с. 39-40].

Вышеприведенную ситуацию четко обрисовал один из раздосадованных любителей компьютерных игр, которому непонятен литературный перевод: «...для меня главное – **что** перевели, и чтобы не пришлось напрягаться, из-за чего отдых и кайф от игры портятся...» [Там же, с. 18].

В латвийских переводческих бюро существует проблема – потребители недовольны качеством перевода. К такому выводу пришла переводческая группа «Filologi.lv» после того, как провела исследование, в рамках которого были опрошены свыше 200 респондентов из предприятий, по роду своей деятельности сталкивающихся с услугами переводчиков. Но, когда результаты исследования были изучены, руководитель «Filologi.lv» Кристине Салцевич резюмировала, что проблема оказалась симптомом еще более глобальной проблемы: переводчики пытались улучшить качество перевода путём усовершенствования своих знаний и ещё более упорной работой, а не путем предварительного изучения потребителей перевода и их потребностей [Там же, с. 16].

В целом, Анна Бэк и Эми Жиллетт, которые обучают говорить, как американцы, утверждают, что, если переводчик не спрашивает о целевой аудитории вашего документа, лучше заняться поиском другого переводчика [Там же, с. 34].

Мнение потребителей перевода перекликается с мнением и ряда маститых переводоведов. По мнению Ю. Найды, неоспоримого авторитета в переводе Библии, ориентация на рецептора перевода неизбежно приобретает самодовлеющее значение. Он утверждает, что, если мы спрашиваем, верен ли перевод, мы должны уточнить, **для кого** он верен. А западногерманский переводовед В. Вилс полагает, что действия переводчика несомненно зависят от читателей перевода, и чем точнее он определит для себя те требования, которые они ему предъявляют, тем успешней будет его перевод. Для этого он должен уметь в качестве эксперта анализировать коммуникативные ситуации заказчика, автора исходного текста и получателя текста перевода в рамках соответствующих культур и на основе такого анализа формулировать условия своей деятельности. И, наконец, Ю. Хольц-Мянттяри подытоживает, что переводчик – это создатель текста, удовлетворяющий желание заказчика [Там же, с. 29-30].

Эта аналогия между прошлым и настоящим предопределяет **научную новизну** данной статьи, которая заключается в обобщении и освещении методов усовершенствования перевода, опираясь на информацию о нуждах неграмотного и не на совсем грамотного потребителя перевода, а не на мнение переводчика, как это обычно принято в отечественном переводоведении.

Проблема, с которой столкнулись латвийские переводчики из переводческой группы «Filologi.lv», определила **цель** данной статьи, которая заключается в расширении методов упрощения переводящего текста.

Для достижения этой цели были поставлены **задачи**:

- 1) осветить методы перевода У. Тиндейла;
- 2) сравнить их с методами перевода авторов Современной Святой Библии.

Какие же методы перевода для потребителя применял У. Тиндейл?

Во-первых, при переводе Библии он решил избавиться от использования возвышенного стиля [6, p. 68], который используется одаренными, образованными и серьезными людьми, осознающими всю важность того, о чем они пишут, делающими весомые выводы и легко подбирающими слова, отражающие их высокие чувства [5, p. 183-186].

Во-вторых, Тиндейл решил избавиться от использования педантичного стиля, который представляет собой неуспешную попытку создать возвышенный стиль, а точнее – попытку показать свою грамотность и знание терминологии [6, p. 68]. Педантичный стиль характеризуется обилием устаревшей или редко употребляемой лексики; длинными и высокопарными грамматическими оборотами; частым использованием синонимов и высказыванием одной и той же мысли разными словами [5, p. 186-187].

Для того чтобы понять, как Уильям Тиндейл устранил при переводе возвышенный и педантичный стили, сравним Старый Завет, переведенный Тиндейлом, и современную Святую Библию, тоже упрощенную, и убедимся, что Старый Завет Тиндейла является проще даже современной Святой Библии, не говоря уже о Библиях его времени.

Во-первых, Уильям Тиндейл избавлялся от артиклей, когда речь шла об уникальных объектах. В Старом Завете У. Тиндейла мы не видим артиклей: «In the begunnyng God created **heaven** and **erth**...» [7, p. 1] / «В самом начале Бог создал **небо** и **землю**...», а в Современной Святой Библии артикли обременяюще (для простого потребителя перевода) присутствуют: «In the beginning God created **the heavens** and **the earth**...» [4, p. 2] / «В начале всех начал Бог создал **небеса сии** и **землю сию** ...».

Во-вторых, он не употреблял причастий. В Старом Завете У. Тиндейла используются простые предложные конструкции: «The erth was voyde and emptie ad darcknesse was vpon the depe...» [7, p. 1] / «Земля была неплодоносной и пустой и над глубиной океана была тьма...», в то время как в Современной Святой Библии наблюдаются Причастия I и Причастие II: «The earth was barren with no form of life, it was under a **roaring** ocean **covered** with darkness...» [4, p. 2] / «Земля была опустошенной и безжизненной, она простиралась под **ревушим** океаном, **покрытым** мраком...».

В-третьих, У. Тиндейл не употреблял сложного дополнения с инфинитивом или с герундием. В Старом Завете У. Тиндейла перевод действует связку *be*: «Than God sayd: let there be lyghte and there was lyghte...» [7, p. 1] / «Потом Господь сказал: да будет свет, и появился свет...», а в Современной Святой Библии более сложные конструкции: «God said, **—command light to shine!**” And light started **shining**...» [4, p. 2] / «Господь сказал: **—Я повелеваю, чтобы сиял свет!**” И свет начал **сиять**...».

В-четвертых, он избавлялся от слов, несущих примерно одинаковое значение. В Старом Завете У. Тиндейла мы видим простую фразу: «And God sawe the lyghte that it was good: and devyded the lyghte from the darcknesse...» [7, p. 2] / «И Господь увидел свет, и это было хорошо: и он разделил свет и тьму...», в то время как в Современной Святой Библии – более нагруженную: «God **looked at** the light and saw that it was good. He separated light from darkness...» [4, p. 2] / «Господь **взглянул на** свет и увидел, **что** это было хорошо. Он отделил свет от тьмы...».

В-пятых, У. Тиндейл не использовал подлежащих придаточных. В Старом Завете У. Тиндейла употребляется простое прошедшее время: «And it **came** so to passé...» [7, p. 1] / «И это так **случилось**...», а в Современной Святой Библии – придаточное подлежащего: «And **that’s what happened**...» [4, p. 2] / «И **именно это и произошло**...».

И, наконец, он не использовал расщепленные конструкции. В Старом Завете У. Тиндейла нейтральная конструкция: «The woman which thou **gavest** to bere me company...» [7, p. 3] / «Женщина, которую ты **дал**, чтобы составить мне компанию...», в то время как в Современной Святой Библии эмоциональное расщепление: «**It was** the woman **whom** you **put** here with me...» [4, p. 4] / «**Именно** эту женщину ты **оставил** со мной...».

В целом, как показал переводческий опыт Уильяма Тиндэйла, процесс и продукт перевода можно усовершенствовать путем изменения стилистики текста, учитывая нужды потребителя перевода. В частности, при переводе Уильям Тиндейл устранял такие части речи и конструкции как определители и дополнители, неличные формы глагола, придаточные предложения и расщепленные конструкции, которые мешали простолюдинам воспринимать речь.

Список литературы

1. Сахневич С. В. Клиентоориентированный перевод. М.: ELAY Consulting, 2010. 186 с.
2. Фокс Д. Книга мучеников. М.: Издательство Христианского библейского братства св. апостола Павла, 2009. 456 с.
3. *Doctrinal Treatises and Introductions to Different Portions of the Holy Scriptures by William Tyndale, Martyr, 1536*: the Ages Digital Library Collections / ed. by the Reverend H. Walter. Albany: Books for the Ages, 1997. 577 p.
4. *Holy Bible, the – a Contemporary Version*. N. Y.: American Bible Society, 1995. 1331 p.
5. Newman S. P. A Practical System of Rhetoric: Or, The Principles and Rules of Style, Inferred from Examples of Writing. N. Y.: Invison & Phinney, 1856. 252 p.
6. *Translation – Theory and Practice: a Historical Reader* / ed. by D. Weissbort and A. Eysteinnson. N. Y.: Oxford University Press, 2006. 649 p.
7. Tyndale W. New Testament. Devon: Lazarus Ministry Press, 1998. 550 p.

WILLIAM TYNDALE: THE STAKE FOR THE SAKE OF A USER OF TRANSLATION

Sakhnevich Sergei Vladimirovich, Ph. D. in Philology
The Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences
crash68@yandex.ru

In the XVI century William Tyndale was burnt at the stake for the fact that he had produced a client-oriented translation – had made the Bible text clearer for a commoner. Modern translators have no danger of the stake but they translate using so complicated constructions that an ordinary user of translation do not understand what translators make. It is time to use the experience of William Tyndale who proved that if the needs of an ordinary user of translation were the part of the translation itself, its quality would improve.

Key words and phrases: the Bible; elevated style; client-oriented translation; pedantic style; clear translation; user of translation; William Tyndale.

УДК 8

Филологические науки

В данной статье рассматривается явление лингвокультурной интерференции, сопровождающей процесс межкультурной коммуникации, и выявление путей ее преодоления при реализации речевых актов: оценка, благодарность, похвала и др. Автор приводит примеры собственного сопоставительного анализа различий в коммуникативном поведении англичан и русских, проведенный на материале, полученном в результате анкетирования и опроса респондентов.

Ключевые слова и фразы: коммуникативное поведение; лингвокультурная интерференция; оценочность; преувеличение; стили коммуникации; национальная культура.

Солдатова Ольга Сергеевна, к. филол. н.

Военное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования г. Москвы
soldatova.olga62@yandex.ru

**СГЛАЖИВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ
НА ПРИМЕРЕ ЭКСПРЕССИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ[©]**

Теоретические и практические исследования отечественных и зарубежных ученых позволяют предположить, что явление межкультурной коммуникативной интерференции существует на всех уровнях языковой системы. Под коммуникативной интерференцией мы, вслед за Т. В. Лариной понимаем вмешательство факторов родной культуры, языка и национального сознания в интерпретацию инокультурного поведения и в собственное поведение при межкультурном общении [2, с. 184-196].

Коммуникативная интерференция является причиной недопонимания при общении иноязычных партнеров, а также может привести к серьезным ошибкам, неточностям и искажениям при переводе.

Явление коммуникативной интерференции легко прослеживается на примере экспрессивных речевых актов, где англичанам и русским было предложено дополнить диалоги-реплики выражениями, которые, по их мнению, являются наиболее естественными в предложенных ситуациях общения. Целью нашего эксперимента было выявить особенности использования фатических эмотивов в английской и русской коммуникативных культурах и установить степень их влияния на английский и русский стили коммуникации. Поясним, что фатические эмотивы – это коммуникативные единицы, содержащие оценочность и ориентированные на адресата с целью оказания на него положительного эмоционального воздействия [1, с. 121].

Во всех рассмотренных примерах прослеживается одна и та же тенденция: русским коммуникантам не свойственно преувеличение или использование стратегии переоценки, в то время как англичане широко используют гиперболизированную оценочность, что является неотъемлемой характеристикой их национальной культуры.

В ситуации «Оценка» английским и русским коммуникантам было предложено дать оценку проведенному отпуску. Оценочные реплики распределились следующим образом. Английские информанты выражали: общую оценку отпуска в целом (89,8%): It was *marvelous / great / excellent* (букв.: Было чудесно, великолепно, превосходно); личное отношение (80,4%): I had an *incredible / scrumptious* time (букв.: У меня было невероятное, сногшибательное приключение); оценку еды (75%): The food was *fantastic / exquisite* (букв.: еда была фантастическая, изысканная); оценку отеля (50,4%): We stayed at a *fabulous/terrific/gorgeous* hotel (букв.: Мы жили в сказочном, потрясающем, великолепном отеле); оценку погоды (49,95%): The weather was *so brilliant* (букв.: Погода была такая чудесная).

В то время как русские информанты оценочность использовали гораздо реже: общая оценка отпуска в целом (4%): *Чудесно/Превосходно/Сказочно/ Божественно*; личное отношение (2%): *Я наслаждалась*